

2. Бакланова, Т.Н. Основные направления развития социально-культурного партнерства вуза и музеев по подготовке студентов к сохранению и развитию традиционной народной культуры в современных социокультурных условиях [Электронный ресурс] / Т.Н. Бакланова, Э.И. Медведь, О.И. Киселева // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 6. – Режим доступа: <https://science-education.ru/pdf/2016/6/25478.pdf>.

3. Блаженкова, Ю.П. Библиотека как ресурс развития музея [Текст] / Ю.П. Блаженкова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2009. – № 2 (6). – С. 51-54.

4. Умеркаева, С.Ш. Музей и вуз: актуальные проблемы социокультурного взаимодействия [Текст] / С.Ш. Умеркаева // Интерактивная наука. – 2017. – № 6 (16). – С. 35-37.

5. Кожевников, В.А. Опыт изложения учения Н.Ф. Федорова по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам / В.А. Кожевников ; сост., общ. ред., вступит. ст. и прим. Д.А. и А.Д. Кожевниковых. – Москва, 2004. – С. 38.

Reference

1. Social'no-kul'turnoe partnerstvo: vuz – muzej – biblioteka v usloviyah innovacionnogo razvitiya [Tekst] : kollektiv. monogr. / pod red. T.I. Baklanovoj. – Moskva : UC Perspektiva, 2016. – 308 s.

2. Baklanova, T.N. Osnovnye napravleniya razvitiya social'no-kul'turnogo partnerstva vuza i muzeev po podgotovke studentov k sohraneniyu i razvitiyu tradicionnoj narodnoj kul'tury v sovremennyh sociokul'turnyh usloviyah [Elektronnyj resurs] / T.N. Baklanova, E.I. Medved', O.I. Kiseleva // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2016. – № 6. – Rezhim dostupa: <https://science-education.ru/pdf/2016/6/25478.pdf>.

3. Blazhenkova, YU.P. Biblioteka kak resurs razvitiya muzeya [Tekst] / YU.P. Blazhenkova // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. – 2009. – № 2 (6). – S. 51-54.

4. Umerkaeva, S.SH. Muzej i vuz: aktual'nye problemy sociokul'turnogo vzaimodejstviya [Tekst] / S.SH. Umerkaeva // Interaktivnaya nauka. – 2017. – № 6 (16). – S. 35-37.

5. Kozhevnikov, V.A. Opyt izlozheniya ucheniya N.F. Fedorova po izdannym i neizdannym proizvedeniyam, perepiske i lichnym besedam / V.A. Kozhevnikov ; sost., obshch. red., vstupit. st. i prim. D.A. i A.D. Kozhevnikovyh. – Moskva, 2004. – S. 38.

УДК 1(091)

Даренский В.Ю.

*Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко
г. Луганск, Луганская Народная Республика*

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПИСЕМ Н.Н. СТРАХОВА К Л.Н. ТОЛСТОМУ

Аннотация. Статья посвящена анализу философской проблематики писем Н.Н. Страхова к Л.Н. Толстому, которая не рассматривалась исследователями до настоящего времени. Выделены элементы экзистенциальной исповеди, которые показывают внутренние истоки философских идей Н.Н. Страхова. Показано понимание и

духовного прогресса как преобразования личности. Акцентируется наличие у Н.Н. Страхова прямой критики «толстовства» как идеологии.

Ключевые слова: русская философия XIX в., Н. Н. Страхов, Л. Н. Толстой, экзистенция, преобразование.

Darenskiy Vitaliy J.
Lugansk national university named after T. Shevchenko
Lugansk, LPR

PHILOSOPHICAL PROBLEMS IN N.N. STRAKHOV'S LETTERS TO L.N. TOLSTOY

Abstract. The article is devoted to the analysis of philosophical problems of letters N. N. Strakhova to L. N. Tolstoy, which has not been considered by researchers until now. Selected elements of the existential confession that show internal sources of philosophical ideas of N. N. Insurance. Understanding and spiritual progress as transformation of the personality is shown. Accented by the presence of N. N. Insurance direct criticism of the “Tolstoyan” as an ideology.

Key words: russian philosophy of XIX century, N.N. Strakhov, L.N. Tolstoy, existence, transformation.

Вы предназначены к *чисто* философской деятельности.
Я говорю *чисто* в смысле отрешенности от современности;
но не говорю чисто в смысле отрешения от поэтического,
религиозного объяснения вещей. Ибо философия чисто
умственная есть уродливое западное произведение;
а ни греки – Платон, ни Шопенгауэр,
ни русские мыслители не понимали ее так.
Толстой Л.Н. Письмо Н.Н. Страхову, 13 сентября 1971 г.

Переписка Н.Н. Страхова и Л.Н. Толстого является не только важным биографическим документом, но содержит в себе фрагменты, имеющие ценное философское содержание. Следует отметить, что часто переписка мыслителей (эпистолярный жанр) является одной из важных форм философствования. Его особенностями является не только более непринужденный стиль, не связанный требованиями академизма, но и особая *проективность мысли* – ведь в письмах идеи формулируются в момент своего зарождения, еще до того, как они станут готовыми для систематического изложения. В момент зарождения хорошо виден жизненный и диалогический контекст философских идей.

Переписка Н.Н. Страхова и Л.Н. Толстого, впервые изданная в 1914 году Музеем Толстого [5], традиционно рассматривается как ценный источник по истории их взаимоотношений, «внутренней биографии» Л.Н. Толстого и истории этого периода русской литературы в целом. Поэтому недавно в Канаде было осуществлено и новейшее полное издание их переписки [8]. Ее философское содержание также стало предметом специального исследования в статье В.В. Тихомирова [7], в серии статей С.М. Климовой [2; 3; 4] и статье

И. Паперно [9]. Первый из этих авторов акцентировал внимание на эстетической проблематике переписки (тема религиозного искусства), но вместе с тем кратко очертил и общие мировоззренческие позиции Н.Н. Страхова. Так, С.М. Климова показала «диалогическое движение Толстого и Страхова к “экзистенциализму” через взаимную исповедальность» [4, с. 61]; а из конкретной проблематики отметила тот факт, что «Страхов опровергает тезис бесконечного прогресса/развития, позволяющий человеку уходить от ответственности за свою жизнь на пути постоянного нигилистического изменения» [4, с. 56]. И. Паперно рассмотрела тему религиозного обоснования философии в их переписке.

В свою очередь, издатель переписки и ее исследователь А.А. Донсков дал ей следующую характеристику: «Особенно большое значение имеет переписка Страхова со Львом Толстым вследствие обилия писем и глубины высказанных в них мыслей... Эти письма характеризуют Страхова как глубокого, тонкого мыслителя и историка-философа» [1, с. 78]. Особенно важно и то, что «Страхов был одним из немногих, кто был способен преклоняться перед гением Толстого и одновременно побуждать его к достижению ещё большего совершенства в своем искусстве, вступать с ним в дискуссии о самых разнообразных предметах, не теряя при этом независимости позиции» [1, с. 131].

В данной статье это исследование будет продолжено; при этом особым предметом рефлексии здесь будет поиск того, что Н.Н. Страхов определял как главную особенность русской философии и ее перспективное будущее.

В переписке 1880-х годов наиболее важные идеи Н.Н. Страхова касались историософских проблем, в первую очередь, ложности «революционных» теорий, проникавших в Россию с Запада. Их источник он ясно усматривал в человеческом эгоизме и антихристианском миропонимании людей. Так, 21 апреля 1882 г. он писал: «Христианские желания всегда можно исполнить, ибо в них дело идет о перемене в нас самих; желания эгоиста неисполнимы, ибо требуют перемены целого мира <...> для мира невозможной <...> От христиан нельзя ждать никакого насилия и разрушения; эгоисты против суда ставят суд, против казни – убийство <...> против власти – измену, бунт, разрушение. <...> Характер эгоизма в высшей степени ясен у всех отрицателей» [2, с. 295]. «Мечты человеколюбия, обновления, благополучия не имеют правильного источника, правильной цели и потому приведут к убийству, хаосу и страданию»; поэтому этот «новый мир» неизбежно «сам себя убьет и только этим убедится в ложности этих начал» [2, с. 296]. В письме от 18 марта 1884 г. Н.Н. Страхов говорит о богоборческом духе современной цивилизации как таковой, и именно этот дух и становится источником «революционных» идей: «Настроение современных людей имеет в себе что-то прометеевское. Они хотят распорядиться природою, они мечтают, как алхимики, продлить процесс, переделать по-своему животных и растения <...> овладеть болезнями и т. п. Они уже видят успехи своих трудов, они веселы и смелы, и будущее радугой играет перед ними» [2, с. 312].

Здесь важно обратить внимание на ключевой тезис: «Христианские желания всегда можно исполнить, ибо в них дело идет о перемене в нас самих; желания эгоиста неисполнимы, ибо требуют перемены целого мира... для мира невозможной». Н.Н. Страхов говорит о том, что всякие попытки изменения мира суть уклонения от главной задачи человека – внутреннего преобразования в перспективе вечной жизни. Именно это уклонение порождает эгоизм и весь демонический строй души, находящий затем выражение в «революционном» сознании. И разрушительные последствия этого сознания есть благо в том смысле, что могут заставить человека одуматься и вернуться к своей главной бытийной задаче и своему конечному предназначению – спасению души. Тем самым, эгоизму у Н.Н. Страхова противостоит *философия преобразования*.

В письме от 31 марта 1882 года Н.Н. Страхов сделал историософские обобщения: «Начиная с Реформации и раньше и до последнего времени все, что люди делают <...> – постепенное разрушение некоторых положительных форм, сложившихся в Средние века. Четыре столетия идет это расшатывание и должно кончиться полным падением. В эти четыре века положительного ничего не явилось, да и теперь нет нигде в целой Европе. <...> Общество держится старыми элементами, остатками веры, патриотизма, нравственности, мало-помалу теряющими свои основания. Но так как эти начала были воспитаны христианством до неслыханной силы, то человечество неизгладимо носит их в себе, и их еще долго хватит для его поддержания. <...> Нынешняя жизнь носит противоречие внутри себя. Она возможна только потому, что человек вообще может жить, не имея внутреннего согласия» [2, с. 292]. Здесь Н.Н. Страхов уже формулирует принципиальный тезис, который затем будет развит в философии традиционализма XX века: современное общество еще жизнеспособно вовсе не потому, что оно «прогрессирует», а как раз наоборот – потому, что оно еще не до конца разрушило нравственный базис, созданный великими предками.

Другой важный аспект переписки этого периода касается эстетической проблематики. В письме от 6 февраля 1882 г. по поводу нравоучительных рассказов и сказок Л.Н. Толстого Н.Н. Страхов отмечал в них «картину без живописи, сказку без сказочного содержания», «что-то деланное, ненатуральное, умышленно сплоченное и принимающее на себя маску жизни». 26 октября 1885 года он писал Л.Н. Толстому: «Вы – такой удивительный художник, не имеете права так писать <...> Голое нравоучение в рассказе потому нехорошо, что оно уничтожает интерес рассказа <...> самый лучший рассказ делает фальшивым <...> отнимает у него естественность» [2, с. 326]. Но уже за несколько лет до этого Н.Н. Страхов весьма смело и нелюбезно писал Л.Н. Толстому в защиту «чистого искусства»: «Буду защищать искусство и науку изо всех сил против Вас, Соловьева и Николая Федоровича [Федорова]» [2, с. 290].

В «поздних» письмах Н.Н. Страхова Л. Н. Толстому 1890-х годов острее проявляется глубинная экзистенциальная проблематика. Например, в письме от 27 марта 1895 г. Н.Н. Страхов писал свое впечатление от

отношений Л.Н. Толстого с его женой Софьей Андреевной, в которых он усматривал отблеск евангельского идеала: «между людьми, связь теснее, чем между детьми и отцом и матерью, слияние двух человек в одного, как о том говорится в Евангелии» [8, с. 95]. И здесь же Н.Н. Страхов восклицает: «О, дай Боже, чтобы мы чаще жили нашими лучшими чувствами! Не то горе, что мы не обладаем всеми добрыми душевными силами, а то, что и то, что есть у нас доброго, вечно гложет, вечно застилается всякою мелочью и нашим душевным злом. Так я чувствую себя и так я вижу, что нужно бороться с собою» [8, с. 96]. И эта «борьба с собою» и «жизнь нашими лучшими чувствами» – есть практическая этика преображения.

В письме от 2 мая 1895 г. Н.Н. Страхов признается в своих самых глубоких переживаниях: «нужно обратиться к Богу... мне становится страшно от этой мысли; я чувствую себя таким ничтожным, слабым, порочным, я начинаю ставить для обращения к Богу такие высокие требования, желать в себе такой глубокой перемены, что теряю всякую решимость, не могу приступить к делу» [8, с. 99]. Это признание очень важно для понимания специфики философских поисков Н.Н. Страхова. Такое глубокое ощущение экзистенциальной слабости, укорененной в греховной природе человека, Н.Н. Страхов переживал постоянно, вникая в суть характера и других людей. В письме от 27 мая 1894 г. он признавался: «В тысячу первый раз я убедился, что логика совершенно бессильна, что мысли людей влекутся неудержимо по каким-то своим путям. Теперь я махнул рукой на Розанова: не будет от него ничего истинно хорошего, и виновата – наша глубокая необразованность. Можно быть даровитым, можно кончить курс в Московском университете, переводить Аристотеля, писать о Достоевском и т. д. и не иметь самых элементарных понятий о праве и религии, остаться малым ребенком в самых существенных вопросах» [8, с. 63]. Столь «разгромное» суждение о В.В. Розанове в наше время может показаться весьма странным. Но оно вполне естественно в том контексте, о котором было сказано выше. (Еще более «разгромное» суждение Н.Н. Страхова о Ф. Достоевском будет рассмотрено далее). А именно, видение «темной» стороны личности, его греха и слабости, как мы видим из предшествующего признания, – было в первую очередь его собственным опытом самопознания, а затем направлено на других.

Однако видение человека в грехе и слабости у Н.Н. Страхова не становилось причиной презрения к человеку, а как раз наоборот, становилось причиной такой жалости и сострадания, которые можно назвать *радикальным христианским гуманизмом*. Так, в письме от 18 августа 1894 г. Н.Н. Страхов писал: «В Ясной Поляне часто говорилось против государства, патриотизма, промышленности, наук, музыки, поэзии, философии и т. д. Все это, конечно, не нужно с точки зрения единого на потребу; ничто из всего этого не должно иметь для человека верховного значения. Но всем этим живут люди, и не перестанут жить» [8, с. 67]. Еще радикальнее он высказывается в письме от 29 октября 1894 г. Н.Н. Страхов «Я хочу только сказать, что требование святости невозможно для всех людей, что оно может

быть выполнено только в очень редких случаях. Поэтому люди никогда не жили и не будут жить по этому требованию. Помню, когда мне было 13 или 14 лет и я стал уже думать о том, чего от нас требует религия, я пришел к мысли, что должно быть в нее никто не верил вполне, не верил от Христа и до наших дней. Это меня ужасало и удивляло. Если нам предстоит с одной стороны рай, а с другой ад, то не ясно ли, что только об этом нужно и думать, что нужно все бросить и спасаться, как спасались отшельники, из которых иные верно одни только и спаслись. Но тогда не было бы всемирной истории, прекратились бы всякие труды, войны, государства и т. д.» [8, с. 75]

Исходя из этого, Н.Н. Страхов далее прямо возражает Л.Н. Толстому: «я удивляюсь тому, что Вы так часто забываете неодолимые потребности людей. “Дела человеческие должны уступать делу Божию”, пишете Вы мне, “в вопросах личной жизни каждого”. О, без сомнения! Вы держитесь верного пути – личного совершенствования, и эта правильность Вашего хода всегда меня восхищала. Но Вы не замечаете, как Вы поглощены Вашею внутреннею работою и предлагаете людям то, чего они принять не способны. Отвержение всякой собственной воли – вот ведь к чему сводится все направление; а это отвержение есть отречение от жизни; а от жизни люди отказаться не могут. Жизнь требует спокойных, твердых форм, требует простора для желаний, требует труда и отдыха, забавы и восторга... да Вы все это отлично знаете, все это сказано в Ваших сочинениях. Жизнь избегает усилий сознания и напряжения воли. Между тем Вы с Вашею вечно горящею душою предлагаете людям также вечно усиливаться и напрягаться. Они не могут делать того, что Вы делаете. Они часто охотно жертвуют жизнью и достоянием, как пишут в порыве патриотизма, но ограничивать себя и размышлять они не могут. Они хотят жить и верить, действовать и бороться, а не исследовать и углубляться в себя» [8, с. 76].

Из этого Н.Н. Страхов делает вывод против «толстовства»: «противоречие “человеческим делам” не может иметь общего успеха. Оно может занимать отдельные лица, может наполнять их жизнь, но его нельзя предложить как ежедневную пищу для всех. А если отнять этот контраст с окружающим миром, то большею частью жизнь окажется лишенною всякого интереса. Поэтому интересы, которыми задаются люди, нельзя легко откидывать, да они и не дадут себя откинуть. На них положено много труда. Бедное человечество тяжко билось, чтобы найти тот бок, на котором лежать не очень больно, чтобы найти какую-нибудь пищу для своих неумолкающих стремлений, создать предметы, для которых стоит жить и умирать. Плоха медицина – но разве откажутся когда-нибудь люди искать средство против болезней? Плохо государство; но разве перестанут люди составлять эти безмерные союзы, чтобы общими силами единою волею действовать для своих целей?» [8, с. 77].

Как видим, Н.Н. Страхов, как и ранее в своем понимании искусства, не боится радикально возражать Л.Н. Толстому, не смотря на все преклонение перед ним как мыслителем. На этот аспект их переписки до сих пор почти не обращали внимание. Сам принцип «толстовства», ставшего впоследствии

идеологией целого движения десятков тысяч людей, Н.Н. Страхов опровергал уже в момент его зарождения. И это отрицание не было просто отталкиванием, но опиралось на его собственное понимание сущности «прогресса».

В письме от 22 августа 1895 г. Н.Н. Страхов пишет о своем понимании прогресса, которое у него совсем не связано с развитием внешней «цивилизации – наук, искусств, техники и т.д. – но имеет у него исконно христианский смысл внутреннего – духовно-нравственного преображения человека в соответствии с евангельским идеалом. Исходя из этого идеала, он писал: «Скудная, страшно медленно растущая жизнь. Каждый как будто пускает корни на своем месте и не думает ни о внешнем передвижении, ни о внутреннем движении вперед. Окружающий порядок обыкновенно считается несомненным и неизменным, как времена года, дождь и снег, солнце и луна. С утра до вечера заботы устремлены на то, чтобы поддержать свое положение, свою семью, свести концы с концами. Невежество часто жестокое, умственный уровень очень низкий, хотя везде история и география, музыка и французский язык. Но нет никакой почти привычки к книгам, к литературе, к науке. Нет, люди так тяжелы на подъем, так расположены к консерватизму, что нужны какие-нибудь исключительные причины, напр. большие бедствия, чтобы заставить их не хвататься за каждый случай, когда можно им остановиться в своем развитии» [8, с. 113].

Высота идеала, которым он мерял все жизненные явления и масштаб личности, позволяла Н.Н. Страхову высказывать весьма радикальные суждения, одно из которых касалось В.В. Розанова. Но не менее жестко он писал и о другой знаковой личности того времени. В письме от 28 июня 1895 г. Н.Н. Страхов писал: «Ваше замечание о Вл. Соловьеве поразило меня. “Нет бессознательной внутренней оригинальности”. Это правда!.. С самого начала деятельности Соловьева, когда он так высоко подымался и так походил на нового гения, я замечал в нем странное отсутствие живого чувства. Его религиозность была отвлеченная, пустая; в религии он видел как будто одно “священное волшебство” – так о нем сказал Антоний, ректор московской Академии» [8, с. 111].

И этот же идеал делал Н.Н. Страхова совершенно свободным от того преклонения перед интеллигенцией, которое считалось общеобязательным. 5 октября 1895 г. Н.Н. Страхов он писал: «ничтожно, пошло, главное, противно писать для этой никуда ни на что не годной паразитной интеллигенции, от которой никогда ничего, кроме суеты, не было и не будет» [8, с. 118]; «а уж о журналах и говорить нечего, – там всё пусто и еще нахально и лживо [там же].

Тем не менее, жизненную опору для высшего идеала Н.Н. Страхов находил в самой России и ее народе. В письме от 18 августа 1894 г. он писал: «Они давно уже объявили, что славянофильства нет больше на свете, а между тем всё с ним возятся, и будут возиться без конца, потому что это мысль, которая растет сама собою» [8, с. 67]. Суть его иронии по отношению к очередным «могильщикам» славянофильства состоит в том, что они совершенно не понимают простой вещи: так называемое «славянофильство»

или «почвенничество» – это не идеология, созданная интеллектуалами, а естественное народное самосознание, которое будет существовать всегда до тех пор, пока существует сам народ. Это мысль, «которая растет сама собою». 5 октября 1895 г. он написал: «Нынче приехал американец... и говорит, что Америка совершенно та же Россия, но только там нет мужика. Он этим хотел прельстить меня. А я подумал: я бы давно уже умер бы от тоски и отчаяния, если бы его – мужика – не было» [8, с. 118].

Наконец, стоит специально рассмотреть и знаменитое «скандальное» письмо Н.Н. Страхова Л.Н. Толстому от 28 ноября 1883 г., в котором подробно описан «порочный» характер Ф. Достоевского, а также приводится признание последнего об одном тяжком грехе, вызывая и всегда будет вызывать споры историков литературы. Здесь он пишет о Ф. Достоевском так: «Он был зол, завистлив, развратен, и он всю жизнь провел в таких волнениях, которые делали его жалким, и делали бы смешным, если бы он не был при этом так зол и так умен. Сам же он, как Руссо, считал себя лучшим из людей, и самым счастливым. По случаю биографии я живо вспомнил все эти черты. В Швейцарии, при мне, он так помыкал слугою, что тот обиделся и выговорил ему: “Я ведь тоже человек!” Лица, наиболее на него похожие, – это герои Записок из подполья, Свидригайлов в Преступлении и Наказании и Ставрогин в Бесах» [6, с. 374].

Однако для философского осмысления этот документ имеет вовсе не «скандальный», а важный мировоззренческий смысл. Вопрос о том, зачем Н.Н. Страхов посчитал необходимым передать свои впечатления о «темной» стороне личности Ф. Достоевского – это философский, а не биографический вопрос. И этот вопрос может быть адекватно понят только в контексте той «философии преобразования», которую обосновывает Н.Н. Страхов в других своих письмах Л.Н. Толстому. Смысл этого «разоблачения» Ф. Достоевского (даже независимо от степени его субъективизма и эмпирической достоверности – хотя последняя весьма проблематична) – состоит в том, чтобы показать и понять экзистенциальный исток преобразования человека, который заключается в подвиге преодоления своей греховности и слабости. «Низкий» образ личности Ф. Достоевского, показанный здесь Н.Н. Страховым, очень важен именно для понимания этого истока: независимо от того, насколько этот образ достоверен, он показывает тот жизненный «фон» художественного мира Ф. Достоевского, из которого он выросал именно как подвиг и преодоление той жизненной среды, в которую был погружен своими греховными «корнями». В этом смысле страховский «низкий миф» о Ф. Достоевском является необходимым элементом общего культурного образа писателя: ведь очевидно, что те «погружения в бездны», о которых всегда пишут исследователи художественного мира Ф. Достоевского, не могут быть всего лишь продуктом его художественной фантазии. Несомненно, что «инфернальные» черты героев Ф. Достоевского должны были быть пережиты писателем в своем собственном опыте, как свои собственные грехи. В противном случае их гениальное художественное разоблачение было бы невозможным. Именно поэтому субъективное мнение

Н.Н. Страхова о характере Ф. Достоевского, ставшее известным благодаря его письму Л. Толстому, имеет особую важность. Образ, данный Н.Н. Страховым, гипертрофирует и мифологизирует отдельные черты его характера, игнорируя все остальное – но именно благодаря этой гипертрофии, выполняющей здесь роль условной и субъективной «абстракции», резко выделены именно те *общечеловеческие черты* – а именно, поглощенность гордыней и грехом – преодоление которых путем духовного преобразования человека и является главной ценностью художественного мира Ф. Достоевского. Поэтому письмо Н. Страхова ни в коей мере нельзя рассматривать как «курьез» или «клевету», но следует воспринимать как сознательно односторонний образ писателя, имеющий философский смысл в контексте императива преобразования.

Краткий обзор и анализ тех фрагментов из писем Н.Н. Страхова, которые ранее почти не рассматривались исследователями, показывает их важность как для понимания внутренних мотивов его творчества, так и для более глубокого понимания специфики самого *русского стиля философствования*. Кратко это особенность, столь ярко проявившаяся в этих письмах можно охарактеризовать как парадоксальность и антиномичность, порождаемые несоответствием между недостижимой высотой христианского идеала жизни и личности, с одной стороны, и человеческой слабостью, и греховностью – с другой. В этом смысле русские философы стилистически всегда были не академическими «умниками», а «мучениками мысли» в самом прямом смысле этого слова, воспринимая саму философию как вид мирского подвижничества.

Список литературы

1. Донсков, А.А. Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов : эпистолярный диалог о жизни и литературе / А.А. Донсков ; Группа славян. исслед. при Оттавском ун-те, Гос. музей Л.Н. Толстого. – Оттава : Оттавский ун-т, 2008. – 138 с.
2. Климова, С.М. Природа творческого мышления в переписке Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова / С.М. Климова // Н.Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания / ред.-сост. С.М. Климова. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 135-153.
3. Климова, С.М. Философский диалог Льва Толстого и Николая Страхова / С.М. Климова // Русская литература. – 2012. – № 1. – С. 3-19.
4. Климова, С.М. Философско-эпистолярный диалог Льва Толстого и Николая Страхова / С.М. Климова // Вестник Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина. – 2011. – № 32. – С. 48-62.
5. Толстой, Л.Н. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым (1870-1894) / Л.Н. Толстой. – Санкт-Петербург : О-во Толстов. музея, 1914. – 478 с. – (Толстов. музей ; т. 2).
6. Письмо Н.Н. Страхова Л.Н. Толстому от 28 ноября 1883 г. // Толстой Л.Н. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым (1870-1894) / Л.Н. Толстой. – Санкт-Петербург, 1914. – С. 307-310. – (Толстов. музей ; т. 2).
7. Тихомиров, В.В. Л.Н. Толстой и возрождение религиозного искусства. Н.Н. Страхов о Л.Н. Толстом / В.В. Тихомиров // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Филология. – 2000. – № 1. – С. 17-26.

8. Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов : полное собрание переписки = L.N. Tolstoy & N.N. Strakhov : Complete correspondenc : в 2 т./ сост.: Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова ; ред. А.А. Донсков. – Оттава ; Москва : Гос. музей Л.Н. Толстого, 2003. – 1080 с.

9. Paperno, I. Leo Tolstoy's correspondence with Nikolai Strakhov : the dialogue on faith / I. Paperno // Anniversary essays on Tolstoy / ed. by D.T. Orwin. – Cambridge, 2010. – P. 96-119.

References

1. Donskov, A.A. L.N. Tolstoy i N.N. Strakhov : epistolnyy dialog o zhizni i literature / A.A. Donskov ; Gruppya slavyan. issled. pri Ottavskom un-te, Gos. muzey L.N. Tolstogo. – Ottava : Ottavskiy un-t, 2008. – 138 s.

2. Klimova, S.M. Priroda tvorcheskogo myshleniya v perepiske L.N. Tolstogo i N.N. Strakhova / S.M. Klimova // N.N. Strakhov v dialogakh s sovremennikami. Filosofiya kak kul'tura ponimaniya / red.-sost. S.M. Klimova. – Sankt-Peterburg, 2010. – S. 135-153.

3. Klimova, S.M. Filosofskiy dialog L'va Tolstogo i Nikolaya Strakhova / S.M. Klimova // Russkaya literatura. – 2012. – № 1. – S. 3-19.

4. Klimova, S.M. Filosofsko-epistolnyy dialog L'va Tolstogo i Nikolaya Strakhova / S.M. Klimova // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. S.A. Esenina. – 2011. – № 32. – S. 48-62.

5. Tolstoy, L.N. Perepiska L.N. Tolstogo s N.N. Strakhovym (1870-1894) / L.N. Tolstoy. – Sankt-Peterburg : O-vo Tolstov. muzeya, 1914. – 478 s. – (Tolstov. muzey ; t. 2).

6. Pis'mo N.N. Strakhova L.N. Tolstomu ot 28 noyabrya 1883 g. // Tolstoy L.N. Perepiska L.N. Tolstogo s N.N. Strakhovym (1870-1894) / L.N. Tolstoy. – Sankt-Peterburg, 1914. – S. 307-310. – (Tolstov. muzey ; t. 2).

7. Tikhomirov, V.V. L.N. Tolstoy i vrozhdzenie religioznogo iskusstva. N.N. Strakhov o L.N. Tolstom / V.V. Tikhomirov // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. – 2000. – № 1. – S. 17-26.

8. L.N. Tolstoy i N.N. Strakhov : polnoe sobranie perepiski = L.N. Tolstoy & N.N. Strakhov : Complete correspondenc : v 2 t. / sost.: L.D. Gromova, T.G. Nikiforova ; red. A.A. Donskov. – Ottava ; Moskva : Gos. muzey L.N. Tolstogo, 2003. – 1080 s.

9. Paperno, I. Leo Tolstoy's correspondence with Nikolai Strakhov : the dialogue on faith / I. Paperno // Anniversary essays on Tolstoy / ed. by D.T. Orwin. – Cambridge, 2010. – P. 96-119.

УДК 130.3:001

Масалов А.Г.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия*

ХОЛИСТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ФИЛОСОФИИ НАУКИ Н.Н. СТРАХОВА: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Согласно Н.Н. Страхову, изучение природы нужно начинать с изучения духа. В центре герменевтически открытого мирозерцания Страхова находится человек как «зритель мира», благодаря которому «мировая картина» способна себя наблюдать, познавать и совершенствовать. Раскрываются антропологические основания философско-научных взглядов ученого. Показано, что мировоззренческие следствия